УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В46

Дизайн — *Екатерина Ферез*

Вильмонт, Екатерина Николаевна.
В46 Хочу бабу на роликах! : [роман] / Екатерина Вильмонт. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Про жизнь и про любовь: Екатерина Вильмонт).

ISBN 978-5-17-093906-0

Долгие годы она была только... женой. Заботливой, верной, преданной. Безгранично любила своего мужа — известного актера — и думала, что он отвечает тем же. Но оказалось, что все вокруг ложь. И ее уютный мир рухнул в один миг. Как трудно все начинать сначала! Ведь нет ни дома, ни родных, ни работы. Но она пройдет через все испытания. Станет счастливой, знаменитой, богатой... И главное, самое нужное в жизни — любовь — обязательно вновь согреет ее сердце.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-093906-0

© Вильмонт Е.Н.
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Часть первая
ЧУВЫРЛА

Вот интересно, если дорогу перебегает совершенно белая кошка, это к чему? Я замерла, а кошка шла медленно, вальяжно, чуть подрагивая роскошным хвостом. Потом вдруг остановилась, глянула на меня и… подмигнула! Ей-богу, она мне подмигнула! И так же царственно проследовала дальше. Может, все-таки это к счастью?

Но, по-видимому, белые кошки тоже ничего доброго не предвещают. Когда я вернулась домой, там уже находилась моя свекровь.

— Саша, я не понимаю, у тебя в доме нет лимона? — с места в карьер напустилась она на меня.

— Лимона? Кажется, был в холодильнике, я не помню. А зачем вам лимон понадобился?

— Я хотела выпить чаю. Ты же знаешь, я всегда пью чай с лимоном.

Я натянула уже снятый сапог и молча пошла к двери.

— Ты куда?

— За лимоном!

— Не строй из себя великомученицу! Я обойдусь! А вот чем ты собираешься кормить Глеба? У него сегодня нет спектакля?

— У него сегодня съемки.

— Так чем же все-таки ты будешь его кормить?

— Это не проблема!

— Нет, это проблема! Это еще какая проблема! Ему нельзя перед сном наедаться! Да, кстати, кто у тебя в Израиле?

— В Израиле? Никого вроде... А что?

— Тебе звонила какая-то женщина, сказала, что приехала из Израиля и хочет с тобой повидаться.

— А как ее зовут?

— Не помню, сейчас посмотрю, я записала, я этих еврейских имен не запоминаю. Ее зовут Мария Львовна.

Интересно, что уж тут такого еврейского? Кроме разве что древнееврейского происхождения имени Мария? Но я промолчала. Я давно взяла себе за правило не задавать свекрови лишних вопросов и уж тем более не подшучивать над ней. Она начисто лишена чувства юмора.

— Почему ты молчишь? Кто это — Мария Львовна?

— Не имею ни малейшего представления, — честно ответила я. — А что она сказала? Еще позвонит или оставила свой телефон?

— Сказала, что еще позвонит.

— Ну и ладно!

— Но что ей может быть от тебя нужно?

— Да откуда же мне знать, если я о ней в первый раз слышу?

Светлана Георгиевна внимательно посмотрела на меня, я бы даже сказала, испытующе. Но я стойко выдержала ее взгляд, ибо и вправду никаких связей с Израилем у меня не было.

— Ну-ну, ладно. Может, это вообще ошибка была. В конце концов, Александра не такое уж редкое имя.

— Может, и ошибка, — пожала плечами я. И что ей дался этот звонок?

— Саша, я хочу с тобой поговорить! — заявила свекровь.

Вот черт, даже поесть не даст.

— Слушаю вас, Светлана Георгиевна.

— Саша, тебе пора бросить работу!

— Бросить работу? — обалдела я. — Почему?

— Глеб нуждается в хорошем уходе! Пойми, его статус коренным образом меняется, о нем уже говорят, он стал больше зарабатывать, и надо, чтобы дом у него был устроенным, неужели ты сама этого не понимаешь?

— Извините, Светлана Георгиевна, а на какие шиши я буду этот дом содержать? Вы думаете, я много вижу денег от Глеба? Гроши! Он тратит их на свою древнюю тачку, на сигареты, иногда на какие-то шмотки, но живем-то мы на то, что зарабатываю я. И живем более чем скромно. Так что без моих денег мы рискуем просто с голоду подохнуть, — не выдержала я.

— Не преувеличивай своих заслуг, уверяю тебя, если ты будешь сидеть дома и ухаживать за мужем, у вас будет уходить гораздо меньше денег, гораздо! Вот сейчас, например, ты собираешься жарить котлеты из кулинарии, а если бы ты сама купила мясо и накрутила котлет, это обошлось бы куда дешевле. Это раньше покупные котлеты стоили какие-то копейки, а теперь все не так! И надо экономить!

Больше всего мне хотелось послать ее к одной известной матери, но долголетняя привычка заставила меня сдержаться. Ничего, когда-нибудь я все ей выскажу, все! А сейчас промолчу, промолчу, промолчу.

— Саша, ты просто не понимаешь... Скоро к вам начнут с утра до ночи бегать корреспонденты, и что? Посмотри, в каком виде квартира, в каком виде ты сама! Когда ты последний раз взвешивалась? Когда была у маникюрши?

А ведь ты должна будешь появляться вместе с Глебом на всяких светских мероприятиях...

— Размечтались, — буркнула я.

— Это не мечты, Саша, это уже почти реальность! Поверь, я вполне способна оценить все, что ты в эти годы сделала для Глеба, но... Да ведь он скоро начнет тебя стесняться, а там и найдет себе другую. Моложе, красивее... С его-то данными девчонки начнут на нем виснуть, и ты уверена, что он устоит? Что ты так на меня смотришь? Ты обиделась? Но я же желаю тебе добра!

Нет, я не обиделась, она не так уж не права... Просто я вдруг отчетливо поняла, что означает сон, который я вижу с завидной регулярностью. Мне снится, что я, как в ранней юности, бегу эстафету и все никак не могу добежать свой этап, а когда добегаю и передаю палочку подруге по команде, чувствуя огромное облегчение, эта самая подруга вдруг со всей силы бьет меня ногой в живот. Значит, мой этап уже подходит к концу, так, что ли? А дальше побежит какая-нибудь ослепительная топ-модель, да?

Но мои горькие мысли прервал телефонный звонок. Я схватила трубку. Глеб.

— Сашка, привет! У меня перерывчик образовался, вот звоню узнать, как дела.

— Нормально, у нас Светлана Георгиевна!

— То-то у тебя голосок кислый. Сочувствую. Но ты уж как-нибудь потерпи, ладно? Сашка, я буду поздно, у нашего оператора сегодня день рождения, мы тут немножко погудим в своей компании. Не жди меня, ужин не готовь! Дай мне на секунду маму, а то обидится — и тебе же будет хуже.

— Некуда, — ответила я и передала трубку свекрови.

Пока она ворковала с обожаемым сынулей, я подумала: ерунда все это, идиотские стереотипы, нет, мой Глеб любит меня и не променяет ни на какую длинноногую красотулю. Слишком многое мы с ним вместе пережили, и он меня поч-

ти никогда не подводил. И вообще, он хороший парень, а главное — любит меня. Я это чувствую. Когда он мне звонит, у него так теплеет голос... И ночью нам хорошо вместе, он всегда во сне держит мою руку. И не нужны ему другие, это свекрови нужна другая невестка, более престижная, более эффектная... А ведь она еще не знает, где и кем я работаю, у нее бы от презрения ко мне печенка лопнула. Вот уже несколько лет я служу домработницей в одной богатой семье. Правда, семья вполне интеллигентная и ко мне прекрасно все относятся, но факт есть факт. Кстати, Глеб тоже думает, что я работаю в коммерческой фирме бухгалтером. Я когда-то окончила бухгалтерские курсы, но работы менее подходящей для меня, наверное, и выдумать невозможно. Я и бухгалтерия — две вещи несовместные, как гений и злодейство. Но для Глеба и его мамы это было прекрасной отмазкой. Платят мне в этой семье хорошо, и я вовсе не чувствую себя униженной, ни в коей мере. Вот только они не знают, что муж у меня — артист, в последний год даже приобретший известность, Глеб Ордынцев. Ох, а ведь эта чертова кукла права, мне действительно придется уйти с работы совсем по другим соображениям. Что, если какому-нибудь журналюге вздумается узнать, где трудится жена восходящей звезды? Это будет некрасиво — и не столько по отношению к Глебу, это ерунда, в конце концов, ничего постыдного я не делаю, а по отношению к людям, у которых работаю. Их ведь замучают идиотскими вопросами, и вообще...

— Саша, что с тобой? — вернул меня к действительности голос обожаемой свекрови.

— Нет, ничего, просто я устала, квартальный отчет...

— Глеб сказал, что вернется поздно.

— Я знаю.

— В таком случае я, пожалуй, поеду домой. И подумай, Саша, над тем, что я сказала.

— Обязательно, Светлана Георгиевна, обязательно подумаю!

И она, слава богу, удалилась. Я вздохнула с облегчением. И тут опять зазвонил телефон.

— Алло!

— Могу я поговорить с Александрой? — произнес приятный женский голос.

— Это я.

— Саша, добрый вечер, я вам звонила, вам передали?

— Вы Мария Львовна?

— Да-да. Сашенька, мне совершенно необходимо с вами увидеться.

— Извините, а в чем дело?

— О, это не телефонный разговор. — Голос звучал очень взволнованно. — Вы сегодня заняты?

— Сегодня? Это так срочно?

— Вам неудобно? Вы, наверное, устали, да? Вы ведь работаете? Я понимаю, но завтра, завтра вы могли бы встретиться со мной? Это очень важно, поверьте, Сашенька.

— Завтра я тоже работаю, вот если сразу после работы...

— Хорошо, вы только скажите, в котором часу!

— Ну я могла бы, наверное, часов в пять — в половине шестого.

— Замечательно! Я остановилась у старой подруги, это в районе Арбата, улица Вахтангова...

— Вы хотите, чтобы я к вам пришла?

— Да, если можно.

— Мария Львовна, простите, но с чем это связано, я никак в толк не возьму... От кого вы?

— Сашенька, я завтра все вам расскажу, поверьте, для вас это не менее важно, чем для меня. — Голос у нее сорвался от волнения. — Запишите адрес и я вас жду.

Ничего не понимаю, что за тайны мадридского двора? Мне было любопытно, но не больше. В моей жизни никаких тайн нет, да и не было никогда. Я вся как на ладошке, хотя нет, одна тайна все же есть — место моей работы. Я терялась в догадках. Дура, надо было поехать к ней сегодня, это

недалеко, по крайней мере, я бы уже знала, в чем дело, но с другой стороны, я так устала... Ладно, доживу до завтра. Черт, а может, белая красавица кошка не зря мне подмигнула? Может, намекала на Марию Львовну с какими-то тайнами?

Глеб вернулся довольно поздно, чуть подвыпивший, но такой веселый и довольный, что я ничего ему говорить не стала. Он сразу начнет кричать, чтобы я не смела идти неизвестно к кому, неизвестно зачем — и все в таком роде. Лучше уж узнаю, что за тайны такие, а потом расскажу. Ой, мамочки, а что, если это как-то связано с Глебом? Вдруг Мария Львовна — мама какой-нибудь девицы, которую он трахнул где-нибудь на гастролях? Но нет, она же вроде из Израиля, а Глеб в Израиле не был. И потом, голос этой неведомой Марии Львовны звучал очень ласково и доброжелательно. Стоп, это доносчики обычно именуют себя доброжелателями. «Знаете, Саша, ваш муж вас обманывает, я не могу молчать, я желаю вам добра!» Нет-нет, глупости, тогда она не стала бы называть себя и не стала бы приглашать меня к себе...

— Сашка, о чем ты так глубоко задумалась?

— Квартальный отчет! — машинально ответила я.

— Слушай, Сашка, бросай ты, на фиг, эту бухгалтерию! Она ж из тебя все соки высосала, хватит! Проживем как-нибудь! Нет, правда, Сашенька, подавай заявление об уходе, я требую!

— Требуешь? — безмерно удивилась я. Это слово не из Глебкиного лексикона.

— Да, требую! — смеялся он. — Могу себе позволить!

— Это с какой же стати?

— Сашка, у меня такая новость, закачаешься!

— Что ж ты молчишь, говори скорее!

— Нет, завтра!

— Глеб! — закричала я. — Глеб, немедленно говори, что случилось!

— Так и быть, ты не сглазишь. Меня пригласили сняться в итальянском фильме! У знаменитого режиссера! Роль не очень большая, но жутко выигрышная! И потом, они обещают хорошо заплатить! За две недели съемок заплатят больше, чем я получу за весь наш сериал. Так что, жена, завязывай с бухгалтерией, завтра же подавай заявление. Слышишь?

— Глеб, но...

— Никаких «но»!

— Глеб, нам столько всего нужно! Нельзя швыряться таким местом, я потом не найду работу...

— Санька, дуреха, ты что, не понимаешь? Кончилась черная полоса! Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить! Стучу еще по дереву!

И он так горячо, так крепко обнял меня, что все дурацкие мысли разом вылетели из головы и я заснула совершенно счастливая, твердо пообещав любимому мужу утром подать заявление об уходе. Может, и в самом деле, черная полоса кончилась? Ох, вот к чему мне встретилась белая кошка!

«Хочу бабу на роликах!» — огромными красными буквами начертал какой-то идиот на гаражах-ракушках, рядком стоящих в нашем дворе. Я невольно расхохоталась — до чего искренний идиот! Неважно, какую бабу, лишь бы на роликах? Что ж, по крайней мере у многих старых дев появился шанс. Встань на ролики — и готово, мужик обеспечен! Впрочем, старые девы вряд ли на такое клюнут, это скорее для озабоченных. И чего я, дура, смеюсь? Может, он больной, этот тип? Нет, я смеюсь не над ним, я просто радуюсь жизни. Чудесный весенний день, чудесные новости у Глеба, и, я уверена, Мария Львовна тоже скажет мне что-нибудь хорошее. А вот бросать работу мне все-таки боязно... Черт его знает еще, как все

обернется. Нет, пока не брошу, а там посмотрим. Мне моя работа даже нравится. Следить за чистотой и порядком в роскошной квартире, отделанной по последнему слову современной техники и дизайна, не так уж сложно. Приготовить ужин — вообще для меня семечки, а за продуктами меня возит шофер, так что даже тяжелые сумки таскать не приходится. Хозяев я практически никогда не вижу. Прихожу — их уже нет, ухожу — еще нет. Ну разве что кто-то из них простудится и посидит дома денек-другой. Мне даже посуду мыть не нужно, у них есть посудомойка. Когда мы с Глебом разбогатеем, обязательно куплю себе сначала стиральную, а потом и посудомоечную машину.

Целый день настроение у меня было роскошное. Управившись со всеми делами, я привела себя в порядок и побежала на Арбат. Мне не терпелось встретиться с таинственной Марией Львовной. Когда я вошла в подъезд старого, но очень приличного дома на улице Вахтангова, мне вдруг стало страшновато. Вот сейчас свалится на мою голову какая-нибудь гадость... Но ничего не поделаешь, я обещала прийти. С гулко бьющимся сердцем я поднялась на третий этаж и позвонила. Дверь открыли мгновенно, словно уже ждали. На пороге стояла маленькая старушка в модных черных брюках и светлой блузке, аккуратно причесанная, на высоких каблуках.

— Сашенька?

— Мария Львовна?

— Да, это я. Заходите, заходите, милая. Давайте знакомиться.

Она протянула мне худенькую, сморщенную руку с красивыми кольцами. Руки были ухоженные, не чета моим. Мне даже стыдно стало.

Старушка провела меня в комнату с высоченным потолком, обставленную со старинным интеллигентским уютом. Масса книг, круглый стол посреди комнаты, накрытый

крахмальной скатертью, на столе чашки, тарелки, какое-то угощение. Для меня, что ли?

— Сашенька, детка, садитесь к столу, вы ведь с работы, вам надо подкрепиться, тем более что разговор у нас будет долгим...

— Спасибо. А можно мне руки помыть? — спросила я просто от испуга, чтобы оттянуть время. Мне было страшно.

— Да-да, конечно, и как я сразу не подумала вам предложить. А вы не хотите кое-куда заглянуть? Идемте, я вас провожу!

Я долго и тщательно мыла руки, вытирала их не кое-как, а аккуратно, каждый пальчик, все оттягивая пугающий разговор, хотя таинственная Мария Львовна мне скорее понравилась: она была милая и совсем не страшная. Но сколько можно тянуть. Я собралась с духом и вышла из ванной.

— Сашенька, вам чаю или кофе? Наверное, уместнее было бы что-то горячее, — лепетала Мария Львовна, которая тоже была несколько растеряна — видимо, предстоящий разговор страшил и ее. Господи, что же это такое?

— Нет-нет, спасибо, вполне достаточно чашки чая...

— Но бутерброд с севрюгой вы все-таки съешьте.

— Да-да, спасибо.

Севрюга выглядела аппетитно, но мне не хотелось есть.

— Сашенька, не буду вас дольше мучить... — срывающимся голосом начала Мария Львовна. — Скажите, вашу маму звали Марина Аркадьевна? Марина Аркадьевна Соболева?

— Да. А почему вы спрашиваете?

— Потому что... Потому что... Я ваша бабушка, Саша!

— Бабушка? Какая бабушка, вы что-то путаете! Мамина мама давно умерла, а папина вообще в войну погибла...

— Все это я знаю, Саша. Но тем не менее... Дело в том, что... Вы... вы никогда не видели этого человека?

Она протянула мне фотографию молодого красивого мужчины. Фотография была явно старая, и мужчина на ней был одет весьма старомодно... Но что-то знакомое в лице все-таки было...

— Кто это?

— Это мой сын, Веня... Вениамин Демшицкий... Он ваш отец, Саша.

— Отец? — опешила я. По-моему, старушка насмотрелась сериалов. Но при чем тут я?

— Вы что-то путаете. Моего отца звали Андреем. Андрей Бережков. Вы что-то спутали...

Она печально улыбалась.

— Сашенька, поверьте, я знаю, что говорю. Андрей Владимирович, Андрюша, был вашим отчимом, а отец ваш Веня... Я понимаю ваши чувства, вы любили своего... отца, то есть Андрюшу, это естественно, он был чудесным человеком, он вас вырастил как свою дочь, но факт остается фактом. Таким образом, Сашенька, вы моя родная внучка...

— Но зачем? Зачем я вам понадобилась? Зачем вам надо было говорить мне это? Я ведь все равно не перестану любить папу!

— Сашенька, какая вы еще девочка... Конечно, вы любите вашего папу, вернее, память о нем. Но я хотела все-таки, чтобы вы знали и о Вене... Он перед смертью просил меня об этом, я не могла не выполнить последнюю волю единственного сына. Боже мой, — она сжала виски тонкими пальцами, — как это мелодраматично... Такое ощущение, что все происходит не в жизни, а в плохом кино, но тем не менее это жизнь, Сашенька.

— Но как это вышло, почему? — пролепетала я. — Ваш сын бросил маму, да? А потом раскаялся?

— Нет, детка, все было иначе. Веня любил Марину, она была очаровательна, мила и, кажется, тоже любила его. Вам еще года не было, когда наши танки вошли в Чехосло-

вакию. Веня тоже хотел выйти на Красную площадь, как это сделали Богораз, Литвинов и другие, но ваша мама не позволила ему, а он потом не мог ей этого простить, чувствовал себя предателем и все в таком роде... Потом его арестовали, а Марина вышла замуж за Андрея, который давно ее любил, и потребовала, чтобы Веня отказался от всяких прав на вас. Он согласился, не хотел портить жизнь ребенку... А потом его выбросили из страны... Вот, собственно, как это получилось. Но он никогда не забывал вас. А в прошлом году... В прошлом году он умер, у него было очень плохое сердце... И перед смертью просил меня во что бы то ни стало разыскать вас. Он знал, что Марина с Андреем погибли в автокатастрофе, что вы остались сиротой... Но в тот момент он еще не мог с вами связаться, не мог обнаружить себя, ведь он здесь считался изгоем, предателем родины и все в таком духе... Но я и без его просьбы стала бы вас искать... Я тоже одна на этом свете, и мне некому оставить то, что у меня есть...

До меня ее слова доходили как сквозь вату, я не могла никак взять в толк то, что произошло. Никогда за двадцать два года жизни с родителями у меня даже на секунду не возникало сомнения в том, что папа мне родной отец. Он так любил, так баловал меня всегда. Мама еще бывала со мною строгой, с мамой у меня случались столкновения, порой нешуточные, но папа... Он души во мне не чаял, и я помню его столько, сколько помню себя. И со своими обидами я бежала к нему, а не к маме, я знала, что он всегда примет мою сторону, что бы я ни натворила... Я взяла со стола фотографию своего настоящего отца и вдруг вспомнила — точно такой же снимок был у нас в семейном альбоме, и папа говорил, что это друг его юности. Но тогда я не больно интересовалась друзьями папиной юности, ведь это было в незапамятные времена...

— У нас была точно такая же фотография, — охрипшим голосом выговорила я.

— Я знаю. Я потому и показала вам ее, чтобы вы вспомнили...

— А что, ваш сын... Он больше не женился?

— Женился, но прожил с ней всего три года. Он был человеком с переломанной судьбой и весь ушел в работу. Он был очень талантливым математиком, Сашенька.

— Значит, я не в него, мне математика всегда трудно давалась.

— Сашенька, а кто же вы по профессии? — спросила Мария Львовна, с ласковой улыбкой глядя на меня.

— Жена, — ответила я. — Я по профессии жена.

— Вы не получили образования?

— Я училась в ГИТИСе, на театроведческом, но не доучилась... жизнь так закрутила, что...

— Но вы где-то работаете?

Я замялась. А Мария Львовна сказала:

— Сашенька, можно я буду говорить вам «ты»?

— Да-да, конечно, — обрадовалась я, мне не хотелось отвечать на ее предыдущий вопрос. Сказать правду язык не поворачивался, и врать почему-то было стыдно.

— Сашенька, детка, у тебя, наверное, тяжелая работа, я смотрю на твои руки...

И она вдруг погладила меня по руке.

— Ты стесняешься своей работы, Саша?

— Нет, что вы... нет. Просто я работаю в одной семье, у очень хороших людей... — с трудом выдавила из себя я. — У меня не было другого выхода... домработницей...

— Ну и что тут такого? Подумаешь, великое дело! Ты же не на панель пошла, — засмеялась вдруг как-то очень искренне Мария Львовна. — Не хочется говорить банальности, но любой честный труд заслуживает уважения. Главное — самой себя уважать. А у тебя есть для этого все основания. Ты не сидишь сложа руки. У тебя явно не легкая жизнь, но ты не ноешь, не клянешь всех и вся, а тихо делаешь свое дело, ведь так?